

А.М. Евреинова

**О значении и пределах
обычного права при
разработке отдельных
институтов Гражданского
уложения**

**Реф. д. чл. Спб. юрид. о-ва, А.М.
Евреиновой, долож. в засед.
Гражд. отд. 12 февр. 1883 г.**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.М. Евреннова**
О значении и пределах обычного права при разработке отдельных институтов
Гражданского уложения: Реф. д. чл. Спб. юрид. о-ва, А.М. Евреиновой, долож.
в засед. Гражд. отд. 12 февр. 1883 г. / А.М. Евреинова – М.: Книга по Требо-
ванию, 2024. – 42 с.

ISBN 978-5-458-08550-2

ISBN 978-5-458-08550-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

на помощь заявившей себя потребности. Такое возрѣніе на обычное право неминуемо должно было отразиться и во всѣхъ постановленіяхъ о примѣненіи обычаевъ. И вотъ, смотря потому, которой изъ вышеназванныхъ сторонъ придаютъ большее значеніе, придаютъ и обычаю, то вспомогательное, то дополнительное и даже равное съ закономъ значеніе. Но до сихъ поръ мы стоимъ еще на чисто теоретической почвѣ. Признанная за обычаемъ сила должна же наконецъ осуществиться въ жизни. И такъ какъ по такой теоріи обычное право проявляется только въ рѣшеніяхъ того или другого суда, то отъ судьи требуется, чтобы онъ ex officio зналъ непременно обычное право округа. И хотя наука бессильна дать ему какія-либо особыя правила для распознаванія обычнаго права, все же его не лишаютъ нѣкоторыхъ указаній. Такъ, распознать существованіе послѣдняго онъ можетъ изъ собственнаго своего наблюденія надъ случаями его примѣненія, посредствомъ собственнаго знакомства съ юридическими обычаями, чрезъ посредство свидѣтелей, свѣдущихъ людей, официальныхъ или частныхъ сборниковъ и наконецъ изъ судебныхъ приговоровъ. Въ случаяхъ, когда обычное право, на которое ссылаются стороны, не принадлежитъ къ мѣстному праву судебного округа даннаго судьи, или когда оно могло ему быть неизвѣстно, стороны обязаны доставить судѣ всѣ средства, убѣждающія въ немъ, т. е. должны *доказать* обычное право.

Очевидно, не смотря на всѣ эти приспособленія къ успѣшному осуществленію признанной закономъ силы юридическаго обычая, такое осуществленіе въ концѣ концовъ зависитъ отъ случая, какъ-то: отъ большаго или меньшаго знакомства съ обычнымъ правомъ судьи, отъ искусства или умѣнія сторонъ доказать существованіе обычая, вообще отъ свойства и качества тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ судья будетъ черпать свои познанія юридическихъ обычаевъ.

Нельзя-же не признать въ такой судебной дѣятельности преобладанія *произвола*, который немислимъ при объективномъ приложеніи опредѣленной нормы законодательнаго права. А въ такомъ случаѣ, насколько желательна замѣна произвола—порядкомъ, отвѣчающимъ требованіямъ организованнаго гражданскаго общества, настолько желательно и ограниченіе числа тѣхъ случаевъ, когда необходимо прибѣгать къ неограниченному примѣненію суррогата закона, какъ напр.: случаевъ предусмотрѣнныхъ ст. 130-й (Гражд. Судопроизв.), разрѣшающей мировому судѣ примѣненіе мѣстныхъ обычаевъ къ случаямъ положительно неразрѣшаемымъ

законами. Правда, у насъ существуетъ мнѣніе, что затрудненія въ примѣненіи обычнаго права могутъ быть устранены, если судьи избираются изъ среды народа или принадлежать къ тому-же мѣстному обществу, въ которомъ дѣйствуетъ обычай. Если раскладка повинностей и опредѣленіе платежной способности отдѣльныхъ членовъ общества и потребностей данной мѣстности и можетъ быть предоставлено сельскому обществу, то отнюдь только не юстиція, съ которой въ такомъ случаѣ срывалась бы повязка съ очей и вырывались-бы вѣсы изъ рукъ.

Но, если мы склонны сзудить область творческой способности обычнаго права въ примѣненіи его на практикѣ, то спѣшимъ пояснить, что дѣйствуемъ въ этомъ случаѣ, если не въ интересахъ обычнаго права, вышедшаго изъ мирнаго, нормальнаго состоянія и которое желаютъ признать въ судебномъ рѣшеніи волостнаго судьи, предполагая, вѣроятно, что судебные приговоры, внушаемы божествомъ, какъ это было у грековъ въ древнѣйшую эпоху, Гомера по отношенію къ *themistes*; мы, конечно имѣемъ въ виду не такое обычное право, а интересы обычнаго права въ мирномъ, нормальномъ состояніи, дѣйствуемъ въ интересахъ тѣхъ началъ его, которыя не только не боятся свѣта и живительной силы закона, но, служа основаніемъ тѣхъ условій жизни нашего крестьянства, среди котораго придется дѣйствовать будущему Гражданскому Уложенію, сами будутъ способствовать достиженію цѣли будущаго національнаго Памятника.

Вотъ въ этомъ-то мирномъ, нормальномъ состояніи обычнаго права, намъ бросается въ глаза одна сторона обычая, неподмѣченная въ припадкѣ піэтизма то къ какой-нибудь хламидѣ, занесенной намъ обрядомъ черезъ тысячи лѣтъ, то къ правовому возрѣнію, дошедшему до насъ въ обычай со временъ Псковской судной грамоты. Піэтизмъ этотъ, самъ по себѣ весьма естественный и похвальный, заслоняетъ намъ между тѣмъ ту сторону обычая, которая, при всемъ своемъ консервативномъ значеніи для отечественной археологіи, въ жизни народовъ исполняетъ далеко не консервативное назначеніе. Правовые обычаи регулируютъ крестьянскую жизнь рядомъ обрядностей, исполненіе которыхъ при возникновеніи даннаго обычая несомнѣнно находятъ себѣ отголосокъ въ душѣ того, кто ихъ исполняетъ, слѣдовательно, отношеніе къ данному обычаю является сознательнымъ. Но, скоро очень смыслъ обрядовъ утрачивается, остается одна повторяемость обрядовъ безъ признанія инстинктивно, не находи уже никакого отголоска въ душѣ исполняющаго

его. Между тѣмъ, по мѣрѣ увеличенія числа обрядовъ, сопровождающихъ почти каждый шагъ въ жизни, повторяемость увеличивается автоматически и не только служитъ помѣхой развитію правосознанія народовъ, но весьма скоро утрачивается и всякое чувство правды, мышленіе притупляется и путемъ атавизма наступаетъ то инертное состояніе, въ силу котораго, при первомъ столкновеніи народа съ высшей культурой, начинается его постепенное вымираніе. Блестящее доказательство такого разрушительнаго дѣйствія обычая на жизнь народовъ коснѣющихъ въ немъ и лишенныхъ гражданской организаціи, находимъ мы у себя въ Россіи въ лицѣ Осетинскаго народа, на коренномъ народномъ правѣ котораго и остановимся нѣсколько съ этой цѣлью.

Осетины — горское племя, въ 80,000 душъ, обитающихъ въ ущельяхъ Кавказа. По всѣмъ даннымъ изслѣдователей, племя это по древности своей, не имѣетъ себѣ равнаго въ Европѣ. Начало его относится къ той отдаленной эпохѣ, когда колѣно семитической народности, извѣстное изъ Священнаго Писанія подъ названіемъ Джиммеръ или Гомеръ, обитало по склонамъ Кавказскихъ горъ и (до пришествія Геродотовыхъ, Скиѳовъ) въ степяхъ къ сѣверу отъ нихъ до рѣки Дона и дальше по сѣвернымъ берегамъ Азовскаго моря. Племя это въ настоящее время уже вымираетъ. Для юриста знакомство съ кореннымъ правомъ этой народности открываетъ возможность, получая понятіе о юридической жизни народа, жившаго до начала нашей исторіи, заручиться и критеріемъ при сравнительномъ изученіи юридическихъ обычаевъ.

Въ каждомъ аулѣ свои обычаи, недозволяющіе ни малѣйшаго отступленія. Для насъ особенно важное значеніе имѣютъ обычаи тѣхъ ауловъ, гдѣ встрѣчаешься еще съ патриархальнымъ бытомъ. Живущіе въ родовомъ бытѣ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о своей юридической личности. Онъ сынъ своего отца и впродолженіи всей своей жизни, дѣлаетъ все то, что отецъ или старшій ему прикажетъ, а если подобнаго приказа нѣтъ, то руководствуется своими древними обычаями. Хотя онъ и различаетъ имѣніе и неимѣніе чего-либо, собственное и чужое владѣніе, но по его взгляду все принадлежитъ ему одному и не беретъ онъ чужого только потому, что боится мести. Онъ ненавидитъ всякаго, кто владѣтъ тѣмъ предметомъ, въ которомъ онъ сильно нуждается, и чрезвычайно изобрѣтателенъ въ способахъ присвоенія себѣ плодовъ чужого труда, который онъ не цѣнитъ и не уважаетъ, и боится его. Онъ не знаетъ государства и не понимаетъ его пользы, при-

знаеть-же надъ собой непрекословно власть своего отца, смотреть на него со страхомъ, какъ на своего господина и слѣпо повиуется ему.

У этихъ доисторическихъ людей не имѣется никакого нравственнаго чувства и даже нѣтъ собственно въ ихъ языкѣ словъ для обозначенія различныхъ состояній души. Добромъ онъ называетъ все, что доставляетъ ему удовольствіе, зломъ все—что причиняетъ ему вредъ. Обычай опредѣляетъ каждый шагъ человѣка, въ мельчайшихъ подробностяхъ жизни. Обряды изобилуютъ, но исполняются они только по обычаю, безсознательно. Собственность у нихъ родовая. Каждая личность поглощается родомъ и дѣйствуетъ только какъ членъ рода, старшина котораго естественный опекунъ каждаго отдѣльнаго члена; опека эта напоминаетъ намъ *tutela mulieris* Римскаго права, которая, слѣдовательно, первоначально распространялась и на лицъ мужскаго пола въ родѣ, и дѣйствуетъ опекунъ не въ интересахъ опекаемаго, а въ своемъ собственномъ.

Въ осетинскомъ правѣ нѣтъ назначеннаго возраста совершеннолѣтія. Заключение брака есть дѣло родичей. Здѣсь, какъ и во многихъ мѣстностяхъ Россіи, предбрачный договоръ облекается въ форму торговой сдѣлки — купли и продажи. За напыщенной рѣчью жениха слѣдуетъ врученіе имъ *задатка*. Пустая любовь къ роскоши, характеристическая черта низкостоящихъ народовъ и классовъ населенія, дошла до такихъ размѣровъ, что *калымъ*, т. е. плата за невѣсту и расходы по свадебному торжеству пришлось регулировать русскому правительству. *Калымъ* брали себѣ конечно агнаты. Они продавали своихъ сестеръ и дочерей тому, кто больше давалъ. Пользоваться правомъ владѣнія родовымъ имуществомъ у Осетинъ, какъ и всюду, гдѣ еще сохранилась эта архаическая форма владѣнія могутъ только лица мужскаго пола. Вдова незадолго до настоящаго времени должна была обязательно выходить замужъ за брата своего мужа. Что мы называемъ правомъ наслѣдованія по закону, безъ завѣщанія, уже позднѣйшаго происхожденія и мало развито. Старшій въ родѣ вступалъ во всѣ права умершаго. За то почти каждый Осетинъ завѣщаетъ передъ смертью своей устно въ кругу своихъ родныхъ и сосѣдей. Предметомъ завѣщанія бываетъ только движимое имущество. Въ случаяхъ наслѣдованія по закону, имущество это наслѣдуютъ только агнаты, женщины исключаются ¹⁾.

¹⁾ Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ. Т. I—II, 1871—72, ст. д-ра Пфафа.

Пребываніе въ такомъ первобытномъ состояніи въ теченіи столькихъ вѣковъ, увѣковѣчиваемое тою стороною обычая, которая, составляя его силу, въ извѣстномъ стадіи своего развитія, повторемостью связанной съ ними обрядностей притупляетъ сознаніе приводить и это старѣйшее племя въ Европѣ, исторія котораго доходитъ до 5 тысячъ лѣтъ къ постепенному вымиранію. Ходъ этого вымиранія нѣсколько задерживается въ настоящее время и кто знаетъ если не уцѣлѣть частичка этой народности, если не въ бытовой формѣ осетинскаго племени, то въ болѣе общей гражданъ Россійской Имперіи, благодаря мудрымъ мѣрамъ нашего Правительства, которое отнеслось къ осетинамъ съ истинной гуманностью, но отрѣшившись отъ фетишизма къ дикой сторонѣ человѣческой природы. Оно приняло подъ свою охрану личное право каждаго осетина распространяя это цѣнное право и на лицъ женскаго пола и по отношенію къ продукту труда. Такъ во вновь устроенныхъ или комплектованныхъ аулахъ сѣверо-осетинской равнины земля принадлежитъ уже не отдѣльному роду а цѣлому аулу и каждый имѣетъ точно опредѣленный участокъ земли. Участки эти каждой весной распределяются по жребію. Усадьба и десятины двѣ земли даются каждому двору и составляютъ его собственность. Такъ что рядомъ съ *родовой* собственностью появились уже и *чисто личная* и *семейная собственность*. Мы уже встрѣчаемъ аулы, въ которыхъ жена имѣетъ одинаковую власть съ мужемъ и по смерти послѣдняго нерѣдко дѣлается опекушкой своихъ дѣтей. Въ народныхъ судахъ высшей инстанціи признается уже за женщиной *persona standi in judicio*. Хотя и существуетъ еще и въ настоящее время обычай калыма, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всецѣло въ другихъ $\frac{1}{3}$ поступаетъ уже въ собственность невѣсты. И наконецъ и самое орудіе самоубійства вырвано изъ рукъ самоубійць, уничтожена и родовая месть, обычай, по всѣмъ вѣроятіямъ, сначала примѣнявшійся только въ случаямъ убійства котораго-нибудь изъ членовъ рода, но, слѣдуя законамъ природы, съ утратой сознательнаго отношенія къ себѣ, въ силу повторяемости, сталъ примѣняться и ко всякаго рода мести. Изъ этого послѣдняго очерка, которымъ я позволила себѣ утрудить ваше вниманіе, м. г., столь необходимое мнѣ при развитіи основныхъ положеній моего реферата, мы могли убѣдиться: 1) Что требованіе современной науки, предъявляемое законодательной дѣятельности, вовсе не отвѣчаетъ тому, чтобы законодательство, не создавая ничего новаго, формулировало бы только старое воззрѣніе, которое находитъ себѣ оправданіе, выражая собой наступившую реакцію про-

тивъ взгляда на право, какъ на изреченіе извѣстной личной власти, или что еще хуже сочинительства законовъ, взгляду того философскаго періода, когда человѣкъ думалъ, что однимъ дедуктивнымъ способомъ можетъ предвидѣть и разрѣшить всѣ будущія столкновенія. Но будучи само реакціей, оно вдалось въ крайность и свело дѣятельность законодательства къ дѣятельности нанизыванія экземпляровъ археологическихъ древностей, иногда просто выкинутыхъ дезорганизованной или неорганизованной жизнью народовъ. 2) Мы могли убѣдиться, что этотъ обычай, самъ по себѣ, только въ силу того, что онъ совершившійся фактъ, не оправдываетъ своего дальнѣйшаго существованія, такъ какъ не все проявляющееся въ жизни уже само по себѣ можетъ быть санкціонировано закономъ. Это равнялось-бы, напр., сведенію дѣятельности науки къ дѣятельности собиранія фактовъ. Такимъ образомъ политическая экономія, какъ наука о богатствѣ, выродилась-бы въ науку для богатства. Общія правила человѣческаго мышленія должны были-бы замѣнять самое мышленіе. Впрочемъ, такое отношеніе отвѣчаетъ склонности большинства, даже и весьма свѣдущихъ людей, разъ навсегда установить свой образъ мыслей, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ избавиться отъ всякихъ другихъ заботъ, кромѣ заботы найти подходящую готовую фѣрмулу.

Доказательствомъ того, что дѣятельность законодательства настоящаго времени не можетъ ограничиться только формулированіемъ стараго и расточеніемъ своей санкціи проявившимся обычаямъ, служить и самое движеніе законодательства вообще. Нельзя же не замѣтить, что съ каждымъ шагомъ цивилизаціи, область урегулированныхъ закономъ сферъ человѣческой дѣятельности все больше и больше расширяется, нельзя не замѣтить и того факта, что четыре государства одновременно принялись за составленіе новыхъ гражданскихъ кодексовъ, причѣмъ составленіе ихъ всѣ онѣ возложили не на капцеляріи, а на представителей науки и лучшихъ юристовъ своихъ странъ. Если первое обстоятельство служитъ доказательствомъ того, что благо нормированныхъ закономъ отношеній начинаетъ проникать все глубже и глубже въ общественное сознаніе, то второе свидѣтельствуетъ еще и о сознаніи трудностей задачи законодательныхъ работъ, вслѣдствіе требованій, заявляемыхъ самой жизнью и новыхъ явленій въ социальномъ строѣ. Опредѣлить мѣру свободы или права, при столкновеніи различныхъ интересовъ, могутъ только люди, вполне постигшіе *значеніе* того или другаго интереса, люди, призванные къ тому своими познаніями и практикой.

Но если мы сознаемъ для себя нормированіе закономъ различныхъ сферъ нашей дѣятельности великимъ благомъ, то распространяя это благо и на крестьянство, это большинство нашего народа, мы будемъ только послѣдовательны. А расширяя такимъ образомъ, вообще, область сферъ примѣненія законовъ, законодательство наше будетъ слѣдовать прогрессивному движенію западныхъ законодательствъ. Крестьянство наше будетъ знать, что его личное право, какъ члена семьи, какъ члена общины, какъ члена артели охранено закономъ. И больше: что и семья, вскормившая въ немъ чувство равноправности и община, умѣрившая въ немъ первобытнаго человѣка и артель, удѣлявшая ему продуктъ его труда—подъ охраной той-же правды, которую онъ такъ заждался. Но что-же пріобрѣтетъ въ свою очередь Уложеніе? Основанное на свободѣ и неприкосновенности личности, оно пріобрѣтетъ начала *взаимности* и *равноправности*, которыя присущи нашему крестьянству и, въ силу которыхъ, и форма общиннаго пользованія землей и семейная собственность и артель формы нашего русскаго коллективизма, не смотря на неравную борьбу съ индивидуализмомъ въ производствѣ и пользованіи, при которой послѣднее начало являлось во всеоружіи закона, только въ самое послѣднее время, лишенное охраны закона и предоставленное произволу обычая, падаетъ иногда жертвой индивидуальнаго начала, но всякій разъ влечетъ за собой поражение той отрасли промышленности, куда пріютилось, нерѣдко возвѣщая побѣду заграничнаго рынка надъ русскимъ.

Вотъ къ ближайшему знакомству съ тѣми сферами крестьянской жизни, которыя хранятъ начала, предназначенныя, воспріятіемъ ихъ Уложеніемъ, оживить русскую жизнь, мы и приступимъ въ слѣдующей главѣ.

Община.

Изученіе быта нашей родины представляетъ всепоглощающій интересъ. Для всякаго историка это живой архивъ—собраніе неоцѣненныхъ историческихъ источниковъ. Здѣсь встрѣтимъ и самый разнообразный образъ жизни и самую различную степень культуры и, наконецъ, учрежденія общественной жизни на всѣхъ степеняхъ историческаго развитія. Тутъ и образъ жизни—бродячихъ, т. е. такихъ, которые не имѣя опредѣленныхъ стойбищъ, непрерывно переходятъ съ мѣста на мѣсто и кочевые, мѣняющіе свои жилища по нѣскольку разъ въ годъ, но, возвращающіеся всегда въ извѣст-

ное время года къ той-же стоянкѣ и, наконецъ, осѣдлые. Кромѣ того, встрѣчаемъ и различную степень подвижности, такъ, напр., бродячіе и кочевые народы часто между собою сливаются, причемъ самое кочеваніе производится у многихъ въ столь тѣсныхъ предѣлахъ, что почти переходитъ къ осѣдлости. Благоприятное дѣйствіе одинаго Гражд. Уложенія на такой еще не установившейся образъ жизни, необособившейся еще отъ способовъ добыванія себѣ пропитанія, будетъ состоять въ слѣдующемъ: переходъ изъ быта неосѣдлыхъ къ осѣдлости, при охраненіи личной свободы, совершится при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ это было въ старину. Новое преимущество осѣдлой жизни устранить тотъ рѣзкій контрастъ между совершенно независимымъ состояніемъ и зависимымъ. Свобода передвиженія не будетъ стѣснена, какъ это было во времена перехода къ осѣдлости большинства нашего народонаселенія, обстоятельство, погнавшее, хотя-бы столь извѣстныхъ въ Сибири подъ названіемъ „каменьщиковъ“ къ самой китайской границѣ, въ неприступныя ущелья Алтайскихъ горъ. Кромѣ охраненія права личности отъ закрѣпощенія его въ различныхъ отрасляхъ промышленнаго труда, обезпечивая каждому продуктъ его труда, все это пестрое населеніе осѣдлыхъ и полуосѣдлыхъ жителей Сибири, занимающееся рыбнымъ, звѣринымъ и охотничьимъ промыслами, сохранится на пользу нашего отечества, для котораго равно дорога всякая народность, тогда какъ при настоящихъ условіяхъ производства всѣ эти народности приговорены къ постепенному вымиранію.

Кромѣ различія въ образѣ жизни находимъ мы и различныя стадіи развитія экономической жизни. Рядомъ съ самыми совершенными формами обмѣна, встрѣчаемъ и первобытную форму соответствующую естественному хозяйству. Такъ значительная часть нашего народонаселенія лишена блага мѣновыхъ знаковъ и плата за трудъ и торговля производится обмѣнная. Что касается до перваго, то очевидно установленіе Гражданскимъ Уложеніемъ производства уплаты за трудъ исключительно депежными знаками, положить предѣлъ эксплоатаціи нашимъ промышленникамъ міроѣдамъ, уже не говоря про то, что оживить торговлю. И наконецъ, встрѣчаемъ мы и общественныя формы на всѣхъ степеняхъ историческаго развитія.

Преобладающей формою, какъ пользованія естественными богатствами, такъ и производства въ нашемъ крестьянствѣ была и есть форма коллективная. Это исходный моментъ въ жизни крестьянъ

всѣхъ странъ, какъ это прекрасно доказали ученые изслѣдованія Маурера¹⁾, Hanssen'a²⁾, Nasse³⁾. XVII и XVIII вѣка были роковыми для всего крестьянства вообще. Въ Германіи наступаетъ затмѣніе національнаго самосознанія. Къ поземельнымъ отношеніямъ, регулированнымъ до тѣхъ поръ сельскими уставами, поддерживавшими порядокъ общиннаго землевладѣнія, начинаютъ примѣнять нормы гражданскаго кодекса, отражавшаго въ то время только требованія индивидуализма, и хотя крестьянство въ Германіи инстинктивно понимало причину зла, свидѣтельство чему находимъ въ одномъ изъ параграфовъ проектированной крестьянскими выборными въ Heilbronn'ѣ реформѣ конституціи⁴⁾, который постановлялъ удаленіе *докторовъ правъ* изъ совѣта князя, тѣмъ не менѣ судьба общиннаго землевладѣнія была рѣшена, индивидуализмъ одержалъ верхъ. Не то ожидало русскую крестьянскую общину отчасти защищенную двоякимъ естественнымъ щитомъ: пространствомъ и малонаселенностью.

Общинное землевладѣніе и теперь преобладающая форма и еслибъ съ западныхъ границъ послѣдовало мирное вытѣсненіе русскихъ общинниковъ на востокъ то не русскимъ же законамъ тому способствовать.

Было время когда крестьяне наши всѣ безъ различія на какихъ бы земляхъ ни жили, составляли одинъ самостоятельный классъ людей въ русскомъ государствѣ. Въ то время крестьянинъ какъ таковой обязательно долженъ былъ состоять членомъ какой-либо крестьянской общины. Владѣя землей внѣ ея онъ уже не назывался крестьяниномъ, а принадлежалъ къ гулящему люду, къ кабальнымъ холопамъ. Законъ признавалъ крестьянскую общину одноправною съ общинами городскими. Какъ членъ общины крестьянинъ тянулъ во всѣ общинные разрубъ и разметы по своимъ животамъ и промысламъ. Болѣе богатый состоялъ въ тягѣ лучшихъ людей, середній тянулъ тягло среднихъ людей, молодшій—молодшихъ. До XVI вѣка бобылей, т. е. людей несшихъ половинное тягло, или сидѣвшихъ на половинной крестьянской выти земли и потому на половинномъ платежѣ податей и отправленіи повинностей мы не встрѣчаемъ, да и въ XVI вѣкѣ судя по новгородской писцовой

1) Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland. Erlangen 1885—86.

2) Agrarhistorische Fragmente. Leipzig 1880.

3) Ueber die mittelalterliche Feldgemeinschaft in England.

4) Oechsle стр. 285, Zöpl. L. S. № 55.

книгѣ 1582 г. ихъ было не много. Появились бобыли вслѣдствіи необходимости для крестьянъ дробить тягла въ виду тяжести податей и повинностей. Рядомъ съ бобылами встрѣчаетъ мы разрядъ людей жившихъ въ работникахъ у крестьянъ; послѣдніе не были членами крестьянской общины. Одинаковое съ ними значеніе имѣли подсуздники, захребетники и задворные люди, которые также не состояли въ тяглѣ и не бывъ членами общины, жили по тогдашнему выраженію за чужимъ тягломъ. Крестьяне члены общины состоящіе въ тяглѣ могли переходить изъ одной общины въ другую, не иначе какъ по *отказамъ*, съ платежомъ пошлинъ и въ законный срокъ. Община не обязана была отпускать отъ себя тяглаго крестьянина если за нимъ не явятся отказчики изъ той общины, къ которой переходитъ крестьянинъ и не представить съ пошлинами *пожилое* объявленіе, что крестьянинъ переходитъ туда то и его тамъ принимаютъ. Другая форма перехода для тяглыхъ крестьянъ была слѣдующая: онъ имѣлъ право продать свой дворъ или прискаты на свое мѣсто жильца, который принималъ въ такомъ случаѣ на себя всѣ обязанности члена общины. Прискавшій такого жильца пользовался полной свободой перехода куда угодно и въ какой угодно срокъ, но не освобождался отъ платежа за *пожилое*. Крестьяне, жившіе на общинныхъ или черныхъ земляхъ по памятникамъ XVI вѣка состояли въ двоякаго рода отношеніяхъ къ землѣ: они владѣли извѣстною долею общинной земли по рядной записи, которую крестьянинъ дѣлалъ съ общиной поступая въ ея члены, или же община давала крестьянину землю на оброкъ по особой оброчной записи, не какъ члену общины, а какъ свободному человѣку. Въ порядной записи община является владѣльцемъ земли, хозяиномъ, а крестьянинъ *жилцомъ*, который обязывается по долгу принятой на себя земли нести слѣдующую долю тягла по мірскимъ разрубамъ т. е. мірскимъ платежамъ.

Въ оброчной же записи, онъ обязывался только вносить условленный оброкъ, никакихъ другихъ обязанностей на себя не принималъ¹⁾. Но для восстановленія типовъ общиннаго владѣнія самыхъ отдаленныхъ временъ не приходится даже и заглядывать во всѣ эти десятки и сотни разнаго рода судебныхъ рѣшеній, договоровъ

¹⁾ Калачова: Акты относящіеся до юридическаго быта древней Россіи 1857. 64. Вѣдывъ. Крестьяне на Русѣ 1879. Писцовыя книги Тверскаго уѣзда. 1540. Писц. кн. Дмитр., Сузд., Муромс., Переясл., и Моск. уѣзд., 1578—1580 годахъ.